

Осмотревшись, Клейн нигде не заметил той странной свечки, только почувствовал её сладковатый запах. Не обратив внимания на лужу крови и лежавшего в ней епископа, Клейн вынул коробок и зажёл спичку.

Стоило появиться искре, как кровь исчезла, а храм снова блестел чистотой. Огромный епископ встал. С высоты своего роста он посмотрел на Клейна, и лицо его исказила гримаса:

- Не сработало... Неудивительно, что Вы посмели взяться за моё поручение. Но сами виноваты, я ведь не собирался Вас убивать.

Епископ говорил, а по стенам металось пламя свечей. Вдруг, убранство храма озарил свет, но мягкий, не такой, что слепит глаза, казалось, что скоро наступит утро и вот-вот взойдёт солнце.

Все иллюзии развеялись. Клейн, не сказав ни слова, бросил спичку и надул щёки.

Бам!

Воздушная пуля с громовым раскатом ударила епископа в грудь. Но тот успел облачиться в серебряный доспех: латные рукавицы, нагрудник и шлем... От выстрела по «металлу» пошли трещины, но доспех выдержал, и даже, наоборот, восстанавливался.

Бам! Бам!

Клейн снова «выстрелил», и в грудь его врага полетели две воздушные пули. Непрерывный град атак должен был уничтожить защиту! Но, в ответ, в руках епископа появился длинный меч, словно сотканный из лучей света. Епископ ловко отразил воздушные пули, которые тихо звякнули о лезвие.

Треск!

Утравский шагнул вперёд, и, казалось, храм вздрогнул. А на Клейна обрушился меч. Удар был такой силы, что могло рассыпаться само здание. Меч даже не коснулся Клейна, но порождённый его движением порыв ветра едва не сбил Потустороннего с ног.

Какая ужасная сила! Клейн ловко отпрыгнул в сторону и согнулся, готовый в любой момент откатиться.

Бамм!

Меч вонзился в пол, разбивая каменные плиты, а от места удара пошли трещины. Клинок проскрежетал по камню, и вертикальный удар перешёл в низкий горизонтальный замах, от которого разлетались искры.

Этот приём специально предназначался для любителей перекатываться!

Клейн уже почти решил, как, вдруг, перед глазами возникло видение, как его разрубает противник. Взмахнув руками и оттолкнувшись от пола, он снова взмыл в воздух.

Уух! А на том месте, где только что стоял Клейн, пыль взмыла в воздух, да жуткий меч располовинил пару скамей. Но прежде чем Клейн перешёл в наступление, епископ перетёк из одной стойки в другую и ударил. Один, два, три... пять, шесть, семь ударов... Утравский, казалось, обладает запредельной выносливостью. Напоминающие порывы штормового ветра

цепочки ударов, порой длились десятки секунд.

Удары были простейшими – вертикальные, диагональные, горизонтальные, уколы и тычки. Епископ словно задался целью выбрать самый действенный способ нанести как можно больший урон. А длина меча очень ему в этом способствовала.

Клейн прыгал, бегал и перекатывался. Не имея возможности применить свою силу, он выглядел жалко. И если бы не спички, которые парень раскидал по разным углам, и ещё не потухшие свечи, помогающие ему перемещаться, противник давно бы убил Клейна.

Этого и следовало ожидать от искусного в бою Потустороннего... Ни ошибки, ни слабости... Но Клейн не паниковал. Уклоняясь, он всё время искал у врага изъян, ожидая, когда натиск станет слабее.

Наконец Клейн нашёл недочёт в технике Утравского. Меч епископа был слишком длинным, слишком большим, а в ближнем бою это значительный недостаток!

Обдумывая эту мысль, Клейн воспользовался тем, что противник занёс меч вверх, и прокатился вперёд и чуть влево, а затем, оттолкнувшись, оказался между ногами Утравского.

«Полугиганту», с его ростом больше двух метров, даже чтобы просто стоять, необходимо было расставлять ноги, а пах оставался открытым.

Едва Клейн увидел уязвимость, как он перевернулся на спину, достал длинную полоску бумаги и превратил её в острый кол. А затем воткнул заточенную деревяшку в щель между пластинами, пронзив тело полугиганта!

Смертельный удар!

Но в этот миг у него ёкнуло сердце. Клейна посетило видение, как меч несётся к земле, а всё его тело охватывает бесконечный ураган чистого света.

Ловушка! Ловушка Утравского! Клейн не мешкал. Оттолкнувшись правой рукой, он проскользнул между ног гиганта и оказался за его спиной. Но епископ уже взялся обеими руками за рукоять меча и направил его вниз, немного приподнявшись, чтобы с силой опустить лезвие на плиты пола.

С раскатами грома, подобно первым лучам солнца, из лезвия вырывались световые нити. И став ураганом, сметали всё на своём пути.

Без единого звука прямо с того места, где только что был Клейн, исчезла каменная плита, а земля ввалилась сантиметров на десять. Но серебристый «металл» поножей и паха тоже пострадал от этой атаки, и сантиметр за сантиметром открывал голое тело.

Даже ценой собственных ран Паладин готов был лишить жизни врага. В этом и была суть ловушки.

За спиной Утравского, Клейн, наконец, нашёл возможность контратаки. Извернувшись в воздухе, он надул щёки и изобразил звуки выстрелов прямо в затылок противника.

Бум!

Бум!

Воздушные пули одна за другой угодили в затылок Утравского, разбив «металл» – он развалился на куски, а голова епископа оказалась ничем не защищена. Клейн уже готовился нанести смертельный удар, когда епископ выпрямился, и, развернувшись в поясе, махнул мечом.

Атака была такой быстрой и яростной, что, казалось, Клейн не успевает. Но всё же он успел вынуть клочок бумаги и поставить его на пути чужого удара.

Дзынь!

Меч столкнулся с бумагой, но судя по звуку можно было подумать, что металл столкнулся с металлом. По всему храму раздался звон. Клейн отлетел, как теннисный мячик, бумага в его руке оказалась разорвана, а между пальцами остался только её мелкий клочок.

Ещё в воздухе, Клейна нагнал меч Утравского. Ситуация была весьма опасная. Но Клейн не запаниковал, и сразу взмахнул рукой. Взвился новый клочок бумаги, а появившаяся искра породила пламя, полностью скрывшее Клейна.

Ух! Меч рассек огненный шар, но не нанес никакого урона, превратив огонь в маленькую искорку.

Вокруг свечей в правой части храма возникло слабое жёлтое пламя, из которого и появилась фигура, чьё лицо украшал грим. Вернувшись в бой, Клейн вытащил из кармана ещё одну длинную бумажную полоску.

Бах!

Клейн превратил бумагу в крепкий кнут, поверхность которого охватили языки алого пламени.

Щёлк! Щёлк! Щёлк!

Клейн атаковал врага издали. Однако под натиском двуручного меча оружие Клейна мигом распалось. Но в этом-то и была его цель!

Бах! Бах! Бах! Щелчки пальцев вызывали всё новые и новые снопы пламени, не давая епископу приближаться, и одновременно обжигали его ноги.

Рассветный доспех оказалось не так-то просто восстановить!

Язычки пламени прямо льнули к ногам епископа, они обжигали плоть до углей и заливали пол кровью. Но это никак не повлияло на проворность епископа. Издав низкий гортанный рык, он, словно разогнавшийся паровоз, прорвался сквозь пламя и возник перед Клейном.

Скорость епископа оказалась невероятной! Его меч распался пятнами света. А Клейн посмотрел в лицо смерти. Он тут же зажёл все спички, что у него были с собой, явно надеясь на пламя, но оказался медленнее Утравского. Стоило возникнуть алому пламени, как его тут же объял световой ураган!

Фигуру Клейна разорвало на части, которые быстро истаяли на ошмётки, обернувшиеся клочками бумаги! А за спиной епископа вспыхнул столп алого пламени, откуда и вышел Клейн.

Вынув из кармана новый спичечный коробок, Клейн бросил его в епископа. Клейн как будто собрался взорвать все спички сразу! Он целился в нижнюю часть тела Утравского, которая

осталась без всякой защиты!

Клейн щёлкнул пальцами. Услышав щелчок, епископ тут же отпрыгнул назад, сгибая колени и подтягивая к себе ноги.

Бах!

Но со спичками ничего не произошло, вместо этого прозвучал громкий хлопок. Воздушная пуля попала епископу в незащищённую голову, разрывая её! Подготовленный смертельный удар!

Череп епископа раскололся, брызнула кровь. С огромным трудом Утравский повернул голову и недоумённо сказал:

- Вы... вы...

В тишине упал спичечный коробок, который изрешетил световой ураган. Но ничего не произошло.

Клейн засмеялся:

- Никто и не утверждал, что щелчком можно управлять только пламенем, а не стрелять воздушными пулями.

- Смотрите.

Бах! Бах! Бах!

Клейн щёлкал пальцами, выпуская одну за другой воздушные пули в Утравского - разбивая шлем и раскалывая череп.

Бам!

Утравский перестал дышать и рухнул на пол, храм при этом сотрясся.

Бах!

Обернувшись, Клейн щёлкнул пальцами, а лежащий на полу коробок взорвался, превратившись в алое пламя, которое и охватило тело Утравского.

Клейн не пытался ощутить присутствие свечи, он предпочёл положиться на собственный ум и сам вытащить себя со дна подсознания. Позади Клейна пламя охватило труп, а мир вокруг него начинал растворяться.